

ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА: ЖИВОПИСЬ АЛЕКСАНДРА РАБИНА

**Андрей КОЖЕВНИКОВ,
Оксана САРКИСЯН
и Алек Д. ЭПШТЕЙН**

О независимом и неподцензурном искусстве, сформировавшемся в Советском Союзе в постсталинские годы, написано уже не так мало, в том числе и в Израиле, где тема эта является одной из центральных в альманахе "Зеркало", издаваемом Михаилом Гробманом и Ириной Врубель-Голубкиной, в развитии этого искусства участвовавших с его самых первых этапов. К настоящему времени изданы представительные альбомы Оскара Рабина, Владимира Янкилевского, Дмитрия Плавинского, Эрнста Неизвестного, Элия Белютина, Ильи Кабакова и других художников, еще в 1960-е годы искавших свои дороги в искусстве, очень различные между собой, но от официального социалистического реализма равно далекие. Однако, чем больше выходит книг и устраивается выставок, тем яснее "проблема поколений", с этим искусством связанная.

В 1950-е годы среди русской эмигрантской интеллигенции на Западе довольно громко прозвучала книга Владимира Варшавского "Незамеченное поколение", посвященная тем, кто вошел в мир литературы, искусства и общественной мысли на пару десятилетий позже, чем ставшие известными еще в России Иван Бунин, Борис Зайцев, Марк Алданов и другие. Литераторы, да и художники русского и русско-еврейского зарубежья, попавшие на Запад людьми молодыми и потому малоизвестными, эту известность при жизни, за редчайшими исключениями, так и не обрели, не имея возможности опубликовать рукописи своих произведений или устроить выставки своих картин. В последние десятилетия историки культуры вернули из небытия имена писателей Ивана Болдырева (Шкотта) и Бориса Поплавского, художников Абрама Минчина и Владимира Баранова-Россине - последний из них погиб в Освенциме, двое первых, не имея возможности выбраться из удушающей нищеты, покончили с собой, а Минчин умер в 33 года от сердечного приступа, не имея доступа к профессиональной медицинской помощи. Все эти

Александр Рабин, "Когда-то здесь было море"

безусловно талантливые люди в эмиграции были практически никому не нужны; о том, каким незаурядным талантом обладали те же Шкотт и Поплавский, Алексей Ремизов и Владислав Ходасевич написали только после их кончины.

Несколько парадоксальным образом художественная жизнь русско-еврейской эмиграции 1970-1980-х годов изучена даже хуже, чем интеллектуальная и творческая среда русского и русско-еврейского Берлина или Парижа 1920-1930-х годов. Особенно зияющие лакуны обнаруживаются в отношении "незамеченного поколения", представители которого оказались на Западе в возрасте достаточно зрелом для того, чтобы там до конца своих дней считаться "русскими", но при этом будучи слишком молодыми, чтобы успеть увезти с собой из России шлейф героико-романтических воспоминаний.

Одним из наиболее самобытных художников этого поколения, земная жизнь которого продолжалась всего 42 года, был Александр Рабин (1952-1994), с 1978 года живший и работавший во Франции. Будучи сыном художника Оскара Яковлевича Рабина, бывшего в 1960-1970-е годы неформальным лидером московского нонконформистского искусства, Александр, хотел он того или нет, рос в атмосфере противостояния и борьбы, в возрасте 22 лет даже оказавшись в тюрьме после участия в вернисаже в Беляево, вошедшем в историю под именем "Бульдозерной выставки". Однако все его искусство, да и последующая судьба, свидетельствовали о том, что от борьбы с каким бы то ни было режимом сам он был бесконечно далек. Как представляется, именно это не позволило ему в 1980-е годы сделать карьеру на Западе, где от художников-выходцев из

России ожидали или переосмысления коммунального быта (как это делал, поднимаясь до метафизических высот, Владимир Янкилевский, а позднее - Илья Кабаков), или глумления над символами оставленной Родины, чем прославились представители соц-арта Эрик Булатов, Леонид Соков, Александр Косолапов, Виталий Комар и Александр Меламид. Искусство Александра Рабина было принципиально другим: он не спорил с советской властью и не издевался над ее эстетикой, создавая вместо этого свою среду, не имевшую никаких жестких привязок ни к какому пространству и ни к какому времени.

Можно назвать его работы запечатленными грезами, можно воспользоваться какой-то другой метафорой, однако совершенно очевидно, что лиричное творчество этого необычайно одаренного живописца было совершенно деидеологизиро-

ванным и абсолютно независимым от какой-либо художественной моды. Это, однако, и объясняет трагедию его творческой не востребоваемости и неприкаянности: от молодого художника-эмигранта из России западный арт-рынок ждал совершенно других работ, оставаясь равнодушным к его философским и эстетическим исканиям. Книга о его жизни и творчестве была впервые издана лишь считанные месяцы назад при благородной помощи первой жены художника Натальи. За всю свою короткую жизнь Александр Рабин лишь однажды получил какую-либо премию за свою работу, причем это случилось не во Франции, где он прожил шестнадцать лет, а в Венеции. За все эти шестнадцать лет ни в одном музее ни разу не прошло ни одной его выставки, хотя отдельные галереи выставляли его работы, находившие своих почитателей.

Мир галерей, однако, был и остается очень жестоким и несправедливым по отношению к художникам, которым достаются жалкие крохи с тех сумм, которые выручают за продаваемые ими полотна торговцы. Кроме того, галереи не сообщают художникам имена покупателей их работ, вследствие чего местонахождение подавляющего большинства работ этого замечательного живописца (а картин им было написано несколько сот), неизвестно. Фактически единственной "галереей", где ценители живописи могут увидеть полтора десятка его работ, является парижская квартира его вдовы Жозефины, бережно хранящей произведение мужа уже более двадцати лет. (Еще две работы были подарены родителями художника Третьяковской галерее в Москве и находятся в ее экспозиции в здании на Крымском валу.) Эти работы относятся только к последним восьми годам его жизни и творчества, но и они позволяют оценить масштаб его самобытного дарования.

Стиль Александра Рабина узнаваем сразу и безошибочно, но при этом его работы лишь в некоторой степени позволяют понять внутренний мир самого художника. К его искусству нужно прикасаться, пытаться прочувствовать, отталкиваясь не столько от багажа наших знаний о мире, сколько от эмоций, пробуждаемых непосредственно его произведениями.

Оправданным кажется предположение о том, что образный ряд художника отсылает к воспоминаниям раннего детства,

Александр Рабин, "Движения"

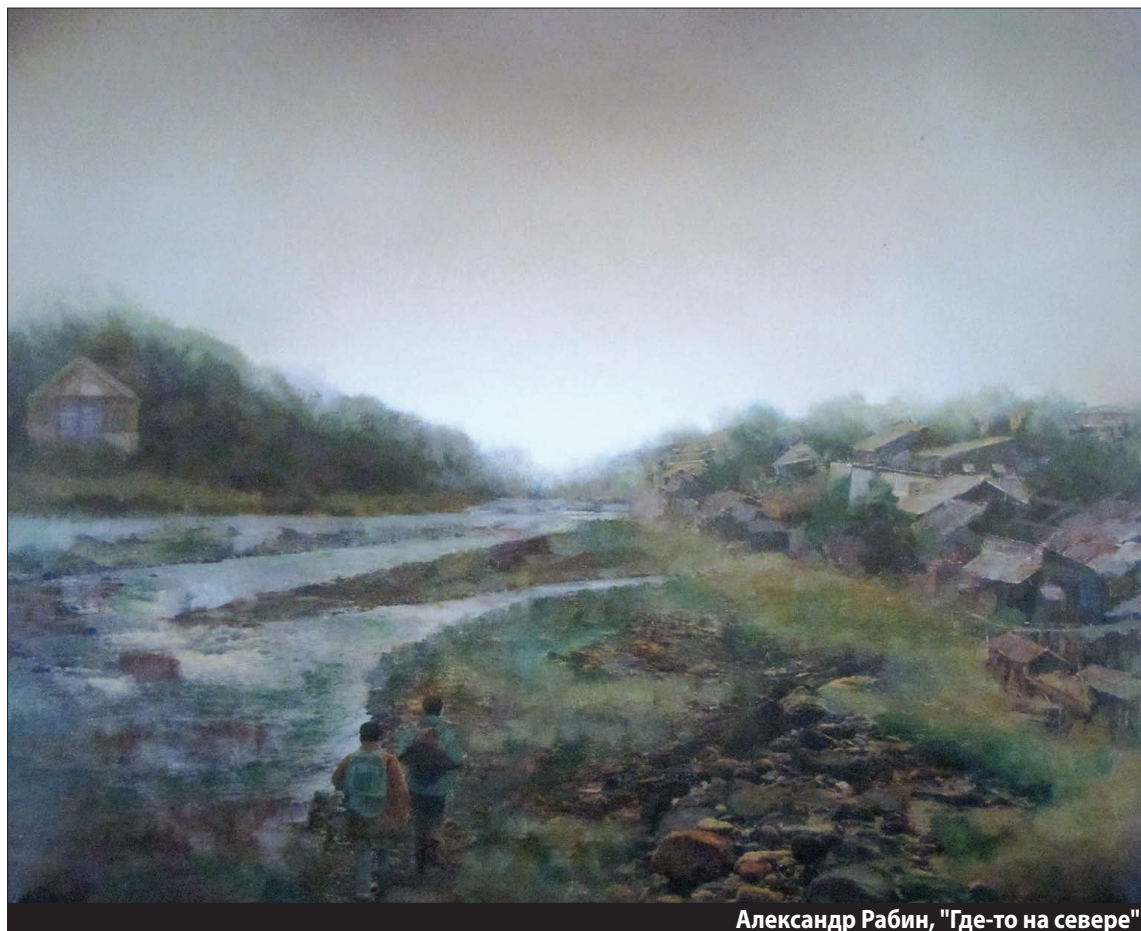

Александр Рабин, "Три лодки"

которое проходило в барачном поселке Лианозово в московском пригороде. При этом глубоко личные переживания и впечатления детства остались лишь отправной точкой его искусства. На картинах Александра Рабина барачная тематика картин его знаменитого отца мерцает сквозь страницы альбомов по искусству и экспозицию московского Музея изобразительных искусств на Волхонке. Привычные для его творчества городские виды, хижины и домики уходят на второй план, растворяясь в пульсирующем пространстве серебристо-зеленых пейзажей. Всмотриваясь в работы Александра Рабина, вспоминаешь живопись фламандских и голландских мастеров XVII века. На его полотнах фахверковые домики естественно соседствуют с завалившимися заборами у подмосковных барачков, руинами замков, хижинами рыбаков, с провалившимися крышами деревенских изб и просто фантастическими постройками. Пространство на картинах Александра Рабина - это всегда осколки, руины и фрагменты, не то реальность, не то сон, возможно и то и другое одновременно - мир одинокого человека, трепещущий в неопределенности; видения сознания, потерявшегося в пространстве и времени. На его пейзажах одинокие фигуры людей выглядят словно случайно затерявшимися в чужом и чуждом им мире.

На многих полотнах Александра Рабина прямо или опосредованно присутствует вода. Иногда она появляется в названии картины ("Когда-то здесь было море"), иногда обозначена присутствием разнообразных корабликов и лодочек, иногда это озеро между домиками и заборами, порой - уходящая в даль размытая дождями проселочная дорога... В работах Александра Рабина вода присутствует в разных ипостасях, но почти всегда она словно напевает зрителям лирическую мелодию.

В картине "Апофеоз", созданной в 1990 году, в центре полотна изображена девушка, чудесным образом идущая по воде. На переднем плане - нашедшая пристанище в заливе старая полуразвалившаяся лодка и уже истлевающие части скелетов кораблей и хижины. Возле чуть лучше сохранившейся лодки в левом углу на переднем плане мужчина и мальчик разбирают старую поклажу. Тут же на переднем плане - бегущая собака и фигура женщины, сидящей на

Александр Рабин, "Где-то на севере"

берегу и смотрящей вдаль, на девушку идущую по воде, на парусники у горизонта, готовые отправиться в плаванье. Композиционно эта картина близка полотну "Когда-то здесь было море". В центре полотна художник изобразил небольшой легковой автомобиль, символизирующий круговорот смерти и жизни: море ушло, рыбацкие шхуны остаются совершенно неприкаянными, но люди по-новому обживают эту землю. Почти на линии горизонта стоит домик, к которому ведет пока еще легкий, но надежный мостик.

В картине "Движения" на переднем плане художник изобразил девушку с косичками и ногами кузнечика. Она сидит на открытой террасе на белом столе, в белой рубашке в лучах какого-то нездешнего солнца. Линию горизонта украшает ажурное кружево из разнообразнейших полугородских домиков. В центре полотна, на берегу вздыбившегося на горизонте пруда или небольшого озера, в задумчивости и нерешительности застыла фигура молодой женщины. Движение, развитие сюжета здесь символизирует кошка, застывшая в прыжке, на которую никто, однако, не обращает внимания.

На картине "Три лодки" в вечерней дымке тают очертания брошенных морских катеров, покачивающихся на молчаливых, едва заметных волнах, почти неподвижно растворяясь в мерцающем сумеречном сиянии, мягко расходящемся от далекого и призрачного, практически невидимого горизонта.

Их мачты покорно склонились перед медленно наступающей мглой грядущей ночи, как перед самой судьбой, уже не мечта увидев манящие просторы открытых морей, а опустившиеся тросы, которыми они привязаны к столбам на берегу, кажется, опутывают их, словно держа в сетях, не пуская даже в последний раз вдохнуть дыхание речных просторов и соленых ветров океана. На берегах, как и на реке, - ни души, ни единой живой тени, ни единого звука. Лишь возле наглухо запертой двери деревянного домика слабо теплится золотистый огонек - но даже и он кажется забытым, будто его не зажгли для проходящих мимо судов, а наоборот, просто забыли погасить - и он так же одинок и потерян, как и лодки: как они, этот огонек уже никому не нужен, его свет больше не озаряет ничей путь. Один из катеров, с белеющими в сумерках бортами, с пришвартованной пустой шлюпкой, стоит на отмели, на переднем плане, отделенный от моря кирпичным молом, две другие - еще держатся на воде, которая кажется стеклянной, застывшей, как и само время, которое будто замерло на полотне, где все сущее погрузилось в молчание. На иссиня-изумрудной, безжизненно холодной зеркальной глади притихшей воды угадываются темные отражения катеров, ускользающие от взгляда, - и сами они, пусть еще и видны зрителю, но уже стоят на грани небытия, забвения, будто уже оставившие всю свою жизнь позади.

На картине "Прилив" перед зрителем открывается широкий пейзаж тихого поселка, с виднеющимися сквозь туман то здесь, то там низкими домиками с покосившимися крышами, с массивным горбатым мостом, перекинувшимся через тихую речку, со ступеньками, спускающимися к самой воде. Кое-где можно различить человеческие силуэты - люди плывут в лодке за мостом, по которому проезжает зеленый автомобиль, справа, у дверей одного из жилищ, встречаются расцвет от немногочисленных обитателей, а у правого края картины, в дощатой баньке, сквозь прозрачную занавеску видна женщина за утренним туалетом. Но движение человеческих силуэтов, даже стук колес по камням моста не нарушает идиллической минорной гармонии полотна - люди становятся частью окружающей их безмятежной природы, их дома сливаются с камнями и зеленью, на одной из крыш даже видна бурная поросль, и их голоса издали смешиваются с криками птиц и едва слышимым плеском воды, они неотделимы от этого неуловимого и трогательного мира, бережно запечатленного художником. Покрытые буро-бежевой глиной берега с влажной от росы травой объаты белесой дымкой, которая поднимается от поверхности воды, растекаясь над улочками поселка, причудливо искажая и растворяя в своем белесом мерцании очертания холмистых далей, прозрачные поля и серо-фиолетовые склоны, тающие на серебристом свечении горизонта, которое ровным сия-

нием озаряет окутанное сероватым дымом небо - и весь пейзаж начинает напоминать какой-то диковинный мираж, полусказочное видение летучей грезы, которая вот-вот растает и уступит место дню, но дню не реальному, осязаемому, земному, а призрачному, сверхъестественному, который сам скорее напоминает очередное сновидение - и взор зрителя наполняется его нездешним сиянием, на время отрякаясь от окружающей суеты, погружаясь в тихую прохладу красок - неярких, но трепетных и так непередаваемо трогательных душу.

Розово-изумрудное полотно "Утро", как и картина "Где-то на севере", написаны художником в последний год его жизни, в 1994 году, но между ними мало общего - разве что все та же заболоченность пространства, в котором трудно отделить землю от воды, тумана, листвы и травы. Сцена сказочной пасторали раннего утра, где крестьянка, собирающая хворост, вдруг обнаруживает утку, симметрично отражается в нарядной лодке, причалившей на противоположной стороне картины и праздно обряженной паутиной тросов и канатов. В противовес этому, картина "Где-то на севере" - одно из наиболее реалистичных полотен Александра Рабина, на переднем плане которого изображены две мужские фигуры, идущих вдоль разъезженной и затопленной мартовским паводком проселочной дороги. Пробивающийся сквозь туман свет привнесит особое, почти ирреальное, внутреннее свечение на первый план и акварельную размытость - на горизонте. Глыбы камней на переднем плане переключаются с заросшим зеленью хребтом из заваленных хижин и избенок. Но главный герой этого полотна - дорога, уходящая за горизонт... Откуда и куда ведет она? Где остались волшебные (иллюзорные?) дальние страны с их кораблями и баркасами, морями и тихими заливами? Всмотриваясь в это полотно кажется, что все возвращается к началу, ибо дорога эта напоминает подмосковный поселок Лианозово и тысячи ему подобных в бескрайних российских просторах...

Александр Оскарович Рабин - художник, работы которого, однажды увиденные, остаются в памяти навсегда. Хочется надеяться, что с ними смогут познакомиться ценители большого искусства и в Израиле. В стране, созданной силой мечты, его мир наверняка найдет своих преданных почитателей.